

Из Донбасса в Израиль с украинским флагом

Еще вчера полусонный Лисичанск — ныне одна из горячих точек на карте украинского Юго-Востока **(интервью было взято за неделю до освобождения города украинской армией, — М.Г.)**. О ситуации в колыбели Донбасса рассказывает активистка местной еврейской общины Елена Еремина.

— Елена Ефимовна, сколько евреев живет сегодня в 100-тысячном Лисичанске?

— От общины остались осколки — порядка 100 человек, в основном, старики и члены смешанных семей. У меня, например, муж — русский, с рязанскими корнями, который, правда, знает иврит и разбирается в традициях лучше многих евреев.

Синагоги в городе нет, но есть отделение Хеседа — еврейская жизнь тлеет, но не затухает. Так, в прошлом году ко дню освобождения Лисичанска от нацистов — 2 сентября — силами общины у балки Дурной яр был установлен памятник расстрелянным в годы оккупации евреям. Причем, воздвигли его на народные деньги — собирали по копейке, каждый нес, кто сколько мог, я, как директор городского архива, решала оргвопросы с мэрией — на открытие пришло очень много людей, причем, и украинцев, и русских.

— Что вообще представляет собой Лисичанск? Чем славен город, кроме того, что это родина известного украинского поэта Владимира Сосюры?

— Сегодня это депрессивный, дотационный регион, с высокой безработицей, хотя Лисичанск и считается колыбелью Донбасса — именно здесь появились первые шахты. Которые, кстати, и в советское время были дотационны, тем

не менее, добыча угля шла, шла до последнего времени и его отгрузка.

У Луганской области огромная по протяженности граница с Россией, у многих земляков там родственники. Моя близкая приятельница, долгие годы руководившая огромным стекольным заводом, — родом из Воронежа — у нее там родители, брат. Тем не менее в Россию она не уехала, наоборот, живя в относительно спокойном районе, принимает внутренних беженцев из центра Лисичанска — превратила свой дом в бесплатную гостиницу.

— Как восприняли в городе события на киевском Майдане?

— Большинство отрицательно, ведь у нас — на Донбассе — очень сильны патерналистские настроения, помните, как у Некрасова:

Вот приедет барин — барин нас рассудит,

Барин сам увидит, что плоха избушка,

И велит дать лесу, — думает старушка.

Трудно изменить ментальность. Самая распространенная фраза (у нас общаются в основном на украинизированном суржике): «А шо ми можемо? Хай там наверху решають, як вони порешають, так воно і буде».

К тому же, постоянно, в течение многих лет, местной властью (а Лисичанск — вотчина коммунистов и Партии регионов) насаждался антагонизм по отношению к Западной Украине. Страх перед «бЕндеровцами», которых здесь и не видели, — тотальный. Поэтому многие формулировали свою позицию просто: мне все равно, какая власть — лишь бы *пензию* (так у нас говорят) платили и, если можно, колбасу вернули по 2.20 (которую, впрочем, в нашем городе и в советское время было не сыскать).

— Референдум о создании ЛНР, видимо, прошел в Лисичанске «на ура» ?

— На референдум, действительно, шли толпой — могу это засвидетельствовать. Потому что, если к России присоединиться, то и зарплата, и пенсия будут больше. А цены останутся прежними, и молодость вернется (грустно улыбается). Путаница в головах страшная. Говорю со старушками:

— *Хотите отделиться от Украины?*

— *Та ні, навіщо? Хотім, щоб бандерів не було.*

— *А це як?*

— *А чтоб ми самі були!*

— *А пенсию кто платит будет?*

— *Та хто? Хай з Києва платять.*

— *Подождите, вы же голосовали за ЛНР? Так пусть они вам и платят!*

— *Так в них грошей нема...*

Я уж не говорю о том, что никто не думает, кто будет дотировать шахты, России ведь они не нужны...

— ***Со дня референдума прошло несколько месяцев, какие сейчас настроения в городе, в том числе и у еврейской общины?***

— Город полностью контролируется боевиками — они захватили власть в Лисичанске при активной поддержке местной ячейки компартии. Собственно, сейчас во главе горсовета стоит мадам, бывшая много лет первым секретарем горкома КПУ. С формальной точки зрения законность соблюдена — за нее с третьей попытки проголосовали местные депутаты на внеочередной сессии, а что в первом ряду при этом сидели автоматчики — такая уж у нас специфика...

Знаете, сегодня нам, евреям в том числе, даже жаль, что местный мелкий криминалитет, из которого во многом поначалу формировалось ополчение, сейчас отодвинули. Потому, что это все-таки их город и с ними еще можно было как-то договориться. Сейчас их место заняли наемники — я не этнолог, но если грубо и неполиткорректно, то речь идет о «лицах кавказской

национальности». И это не пацаны, а серьезные дядьки при полном вооружении и в новеньком камуфляже, приехавшие на новых «Уралах» и «Камазах». Местных они стали потихоньку убирать — они им больше не нужны, это первый редут — мяско. Вначале им платили, затем посадили на голодный паек — просто кормят и дают 20 грн в день на сигареты.

И ведь предложи им сейчас работу с нормальной зарплатой — не пойдут. У них же автоматы в руках, и они почувствовали силу этих автоматов.

— Энтузиазма у приветствовавших создание Луганской народной республики не поубавилось?

— Эмоционального подъема, который был в день референдума, — а он таки был — больше нет. Он улетучился, когда начались мародерство, грабежи и прочие «радости». «Гости» города могут зайти в магазин как к себе домой и взять что угодно. И что ему скажешь — у него же автомат.

Я живу (вернее, жила) рядом с горкомом компартии — туда ополченцы свезли массу оружия, постоянно толпились люди в камуфляже. Соседство малоприятное, но когда местные женщины стали причитать, что ж вы делаете, уходите отсюда... поднялся один из их лидеров, дал очередь вверх — и все закончилось. В другом месте вышли мужики-шахтеры — не губите город, говорят, — одному прострелили ноги, остальные разошлись...

Есть поговорка «за чужой щекой зуб не болит», а сейчас, когда и щека, и зуб оказались своими — он заболел. Стало ясно, что просто так они не уйдут — наемнику абсолютно все равно, в какую сторону стрелять — он здесь не живет. Сейчас началось уничтожение инфраструктуры — взорвали мост, а это не только удар по жителям, городу же очень важен подвоз товарняка к шахтам, должна же идти отгрузка.

Что касается особых еврейских проблем, то община у нас пожилая — и уезжать тяжело, и бросить нажитое жалко. Сидят, трясутся, боятся, что о них вспомнят. Это не специфически еврейское поведение — весь город опустел.

Что будет дальше — не знаю, пока Хесед как-то работает, но проблемы с подвозом продуктов неминуемы. Да и кто их повезет, отберут же на блокпостах.

Что касается меня, то, будучи прямым кандидатом на подвал, — решила

уехать в Израиль, собственно, поэтому я сейчас в Киеве, поэтому и решилась на интервью — дома это было бы смертельно опасно. В Тель-Авиве у меня сын, в Беэр-Шеве дочь — шутят, мол, у вас, родители, широкий выбор, — война в Украине или у нас.

— **Билет в один конец?**

— Я не знаю, что нас ждет. Это моя родина, и моя семья честно ей служила. Мой папа был врачом, которого до сих пор помнят в Лисичанске. Ко мне иногда подходят люди и благодарят, мол, живу благодаря вашему отцу. Да и я делала, что могла, для своего города, для своей Украины — больно уезжать, очень больно...

До сих пор хожу с чувством, что сейчас проснусь. Увы, это не сон, а страшная реальность. Самое поразительное, что люди за пределами страны имеют смутное представление о том, что здесь происходит. Я общалась недавно с приятелями из Израиля — выходцами из Лисичанска, интеллигентными людьми, прожившими в Украине большую часть жизни. У меня дар речи отнялся, когда они *мне* стали рассказывать, что у нас — то есть на наших глазах — творится.

Я здесь пару недель — и к кому в Киеве ни обращалась — пенсионный фонд, банк — все шли навстречу, узнав, что мы с мужем из Луганской области, уделяли максимум внимания. А, не дай бог, наоборот, приехали бы те, кого на Донбассе называют «бЕндеровцами», к нам, в Лисичанск — помогли бы им там? Сомневаюсь...

Знаете, я живу здесь у родственников, рядом с военным госпиталем — и практически каждый день туда хожу, к ребятам, получившим ранения в наших краях. На днях зашла в палату, спросила, може ви що хочете, що вам зварити? И один из тяжелых говорит: «Тітонько, зварить нам борщу». В общем, сварила им огромную кастрюлю, принесла.

Некоторых ребят отправляют на лечение в Израиль. Для Володи Винярского из Львова за 10 дней собрали деньги, немалые, между прочим. Сейчас вот еще одного мальчика — Максима Ящука из Кировоградской области — будут отправлять. К нему бабушка приехала, познакомились, она смотрит на меня так хитро и говорит: «Єлена Єфимівна, а моє прізвище — Фішер». Я молчу. «Ну, ви ж розумієте, у мене муж єврей, та мені все село заздрить. На вулицю

не можна вийти — глязять!». С такой гордостью она это сказала.

А вчера — я у них была в палате — заходит женщина с маленькой девочкой, которой исполнилось 8 лет. Если бы сама не слышала — подумала бы — киношная история. Ребенок мечтал о балетной форме на день рождения, и родственники подарили ей деньги. В тот же день она увидела по телевизору, что для Максима собирают средства на лечение в Израиле и сказала маме: я без этой формы смогу прожить, а Максиму надо вообще жить — давай отнесем эти деньги ему. «Ты подумай, Марьяна, — говорит ей мама, — если мы их отдадим, то не сможем тебе купить то, что ты хочешь». Нет, настояла на своем, нарисовала рисунок, приехала, зашла с мамой и отдала эти деньги. На следующий день, правда, друзья семьи так впечатлились, что купили девочке форму, о которой она мечтала.

Я давно не видела такой атмосферы — единства, участия и сопереживания. Очень много волонтеров — дежурят ночами, пенсионеры несут свои копейки — на глазах рождается новая страна.

Мне вчера подарили украинский флаг — непременно повешу его рядом с израильским, в доме на Святой земле. Чтобы не забывать...

Беседовал Михаил Гольд, Jewish.ru

Вместо послесловия

— Елена Ефимовна, мы беседовали с вами до освобождения города. А чем сейчас дышат лисичане, связь с земляками поддерживаете?

— Город сильно пострадал, через Донец остался единственный мост. Многие остались в том, в чем успели убежать, главное — живы. Вот как только жить дальше? Работы нет. Все, что посадили на огородах и над чем так тряслись, безвозвратно пропало за те дни, пока не было воды.

Тем не менее инфраструктуру начали активно восстанавливать, а центральные и западные области шлют гуманитарную помощь. Берут с удовольствием, не орут, что от бЭндеровцев. Что касается настроения людей — постоянно ходят слухи, что *они* (террористы) вернуться. И именно этого боятся больше всего, почему-то не понравилось, хотя на референдум бежали гурьбой. Показательный случай. Рассказали про одну тетку, носившую еду на

блокпост чеченцам, так соседи ее чуть не порвали, а когда начались сильные обстрелы, то в подвал категорически не пустили, посоветовав прятаться у ее «друзей» на блокпосту. И еще: те, кто сверкая пятками, бежал на референдум, первыми стали «закладывать» украинским военным тех, кто был в «получленцах» или сотрудничал с ними. Впрочем, ведут себя по-разному: кто-то берет из рук солдат хлеб и, отойдя на полметра, их проклинает, кто-то умоляет: «Родненькие, только не уходите». Просят, чтобы военный патруль ходил именно по их улице, увлекают чем-то вкусненьким, подкармливают солдатиков. Говоря о том, изменились ли взгляды населения Донбасса, наверное, лучше Оскара Уайльда не скажешь: «Я не изменился. Но обстоятельства иногда сильнее человека».

— *Насколько я понимаю, вы попали с одной войны на другую?*

— Да, едва ли не на второй день узнали, что такое *цева адом* (сирена, оповещающая об обстрелах из Газы, — М.Г.) В семье моего зятя служат четверо ребят, и все четверо — на передовой. Каждый день все женщины, и я в том числе, готовили для них еду — естественно, не только для своих. А вечером мужчины садились в машины и везли это на передовую — так поступают очень и очень многие. Все рестораны и кафе считали своим долгом передать что-то ребятам... Совершенно потрясло объявление на дверях крохотного магазинчика: «Извините. Закрыто. Все ушли на войну». Днями проходила мимо, слава Богу, магазинчик уже открыт.

— *Украинских раненых в местных клиниках навещаете?*

— А как же. Максим Ящук уже сидит на каталке, девочки-волонтеры вывозят его гулять — у него совершенно изменился взгляд. Володя Винярский тоже уже сидит, но ему еще предстоит операция. У ребят в палате висит флаг Израиля, на нем пишут пожелания все, кто приходит, а приходит невероятное количество людей — раненые даже устают иногда от наплыва посетителей. Их мамы (они тоже здесь) не перестают буквально молиться на Израиль и на местных врачей. Меня очень «улыбнуло», когда эти женщины жутко возмутились, что здесь же, в «Ихилове», лечатся и арабы. Сказали, что сами готовы пойти в атаку.

С другой стороны, не перестаю задавать себе один и тот же вопрос: как некоторые умные, интеллигентные «русские» израильтяне могут одобрять действия России по отношению к Украине и, имея под боком ХАМАС,

восторгаться действиями Путина, у которого в друзьях остались разве что Иран, Сирия да Венесуэла — наши главные «доброжелатели». Безответные какие-то вопросы. Но это их выбор. А я — я просто верю в *нашу* победу — и здесь, и в Украине.